

УДК 161.47

Г.П. Балабанова

ДУХОВНОСТЬ КАК СТЕРЖЕНЬ КУЛЬТУРЫ

Духовность – коренная философская проблема, не сегодня человеческой мыслью и прогрессом поставленная, хотя и требующая в наши дни существенно нового подхода. Феномен духовности самым непосредственным образом связан с развитием сущностных сил человека, его смысложизненными ценностями и способами самоопределения в наличных формах культуры.

При этом социальные и культурно-исторические условия не только вызывают к жизни тот или иной тип духовности, господствующий в данном обществе и в данную эпоху, но и предопределяют понимание и переживание духовности как смысложизненной проблемы в идейных поисках отдельного индивида, социальной группы и социума в целом. Этим и можно объяснить, что восприятие и оценка духовности в русской культуре второй половины XIX и начала XX века глубинно отличается от восприятия и толкования этого феномена в западной культуре того же времени. Для этого достаточно сравнить два ряда имен: Достоевский – Толстой – Соловьев – Бердяев – Флоренский и Ницше – Шпенглер – Рильке – Т. Ман – Гессе.

Какое же место занимает духовность в культуре? Любая социокультурная деятельность людей глубоко противоречива по своей сути. С одной стороны, культура постоянно вырабатывает способы адаптации человека к природной и социальной среде, эффективные механизмы самосохранения индивида и социальной группы, равно как и общества в целом. С другой стороны, культура аккумулирует в себе такие общественные ценности, которые служат стимулом и катализатором для прорыва за устоявшиеся рамки исторического горизонта. Это те живительные токи, которые постоянно питают и обновляют человеческую цивилизацию, создают условия для выявления новых измерений человеческого бытия. Именно это и подготавливает самую возможность преодоления социального застоя, застывших форм человеческого бытия.

Таким образом, речь идет о той составляющей культуры, которая выражает собой меру человеческого в человеке, степень освоения людьми природной и социокультурной реальности в контексте самовыражения их универсальных сущностных сил. Отсюда «базируясь, в конечном счете на материальной основе, культурная деятельность имеет непосредственным стимулом и движущей силой внутренние духовные потенции человека, его духовные начала» [1 с. 18]. *Вот эта-то мера человеческого в человеке и есть духовность.*

В свое время К. Маркс, анализируя эволюцию исторических, социокультурных и экономических категорий, пришел к важному методологическому выводу. Даже самые абстрактные категории, такие как общество, человек, абстрактный труд, практика, в своей определенности представляют собой продукты исторических

условий «и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах» [2 с. 17]. Так, категория практики обнаружила всю широту своей применимости, свой универсальный исторический смысл лишь на той стадии общественного производства, когда труд «не только в категории, но и реальной действительности, стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда» [3 с. 42]. Несомненно, что перед нами общая закономерность становления социально-исторических категорий (движение от единичного к особенному и всеобщему). Указанное движение осуществляется при этом как бы в двух плоскостях – онтологической и теоретической. Известно, что категорию «абстрактный труд» удалось абстрагировать из экономической сферы жизнедеятельности людей, когда сам труд как реалия истории обнаружил свою универсальную природу.

Есть все основания утверждать, что в XX веке такие категории, как природа, экология, общество, культура, духовность, приобрели в силу самого исторического развития новый, общечеловеческий, всепланетарный смысл. Благодаря этому и в сфере мышления людей, на уровне теоретической рефлексии произошли важные сдвиги. Например, на наших глазах сформировался «экологический стиль мышления», системный, культурологический и интервальный подходы и т. п. Отсюда, в частности, можно сделать вывод о том, что любой стиль мышления есть стихийно складывающаяся в культуре система ключевых категорий, принципов подхода, сквозь призму которых та или иная эпоха истолковывает, оценивает и теоретически осмысливает общественное и природное бытие. При этом важно, что культура осуществляет стихийную селекцию тех или иных категорий в качестве ключевых, стилиобразующих элементов лишь по мере того, как данные категории не только в абстракции, но и в реальной действительности начинают играть качественно новую, универсальную роль.

Социокультурный опыт нашего столетия свидетельствует о том, что такие категории, как сознание, рациональное, разум, здравый смысл, сами по себе перестали быть реальной альтернативой историческому безумию, насилию, фанатизму, социальному злу. Более того, разум нередко сам оказывается в плену корыстных расчетов, корпоративных интересов, орудием бездуховности, технократической вседозволенности по отношению к природе.

Таким образом, произошло расщепление двух доньше сращенных в культуре категорий – духовного производства и духовности. «Духовность – бездуховность» – вот еще одна категориальная полярность, еще одно концептуальное сечение нашего века в самих основах человеческого бытия. Это сечение является новым выражением таких давно существовавших в культуре полярностей, как душа и тело, материальное и идеальное, добро и зло, истина и ложь. Если духовность есть подлинный нерв культуры, то бездуховность есть ее омертвляющее начало. Дело даже не в субъективных намерениях, а в тех глубинных установках, которые неизбежно порождают определенное отношение к результатам деятельности: бездуховный человек не может производить духовное.

Исторический опыт человечества XX столетия отмечен все более глубоким осознанием одного представляющимся на первый взгляд парадоксальным обстоятельства: духовная жизнь общества, равно как и продукты духовного производства могут быть *бездуховными*. В зависимости от того, кто и с какой целью производит духовные ценности, последние могут служить высшим гуманистическим идеалам, но могут и создаваться в узко прагматических, делаческих целях, ради наживы, карьеры, личного благополучия. В русском языке нет другого термина, который бы мог отразить эту глубинную антиномию форм сознания, как старое слово «духовность». Дело, конечно, не в слове, а в том, что за ним стоит. Но именно этот термин наиболее рельефно подчеркивает реальную парадоксальность ситуации: тот факт, что духовное как сфера жизнедеятельности может быть бездуховным.

Чтобы понять этот парадокс, следует с самого начала условиться о том, что семантика употребленных здесь понятий «духовное» и «духовность» совершенно различна. В самом широком смысле первое понятие служит средством демаркации материального и идеального, второе понятие служит средством демаркации внутри самой сферы идеального. В этом случае речь идет «о таких содержаниях сознания, которые определены не предметом отражения, а целями и ценностями человеческого общества» [4 с. 14]. В первом приближении можно сказать, что категория духовности служит фундаментальной демаркацией в рамках аксиологического измерения сознания. Но если выражаться более конкретно, то точнее было бы говорить и о работе сознания, и о социокультурной деятельности людей вообще.

Но что значит мера человеческого в человеке? Какими мерками можно измерить родовую сущность человека? /И если не забывать при этом, что любые такие мерки являются исторически ограниченными?/ Родовая сущность качественно отличает человека от животного. Человек способен к предметно-преобразовательной деятельности, к созданию материальных и культурных ценностей. В процессе своей истории люди научились познавательной деятельности, т.е. адекватному и ничем неограниченному постижению объективной истины, выработали в себе способность к творению добра, к восприятию и наслаждению красотой. Все, на что способен человек как родовое существо по мере развертывания истории реализуется в действительные силы и способности конкретных личностей. *Те реально функционирующие человеческие способности, которые образуют предельно общие основания человеческой деятельности, носят универсальный характер и обладают свойством бесконечного совершенствования, могут быть названы сущностными силами человека.* Примером такой силы служит способность людей адекватно, конкретно и бесконечно познавать объективный мир. Отсюда духовность можно определить как культурную ориентационную деятельность, направленную на максимальную, свободную и гармоническую реализацию сущностных сил и потенций человека.

Однако в исторически конкретном человеке развивались не только такие силы, которые обеспечивали реальный прогресс общества и личности, но и такие негативные силы, потребности и интересы, которые тормозили развитие,

задерживали процесс исторического созидания человеком самого себя. Речь идет о таких качествах, как эгоизм, лень, невежество, тупость, нравственная глухота, корыстолюбие, склонность к паразитическому образу жизни, различные формы потребительского сознания. Диалектика истории заключается в том, что общественные отношения и структуры, социальные условия в зависимости от той или иной эпохи в разной степени усиливали, развивали, культивировали не только человеческое в человеке, но и бесчеловеческое, т.е. порождали такие явления, как социальная несправедливость, эксплуатация человеком человека, и такие качества, как насилие, жестокость, властолюбие, эгоизм.

Иными словами, вопрос о том, какие качества разовьются в человеке — это зависело в немалой степени от того, какие стимулы находил человек в данных социальных условиях. При этом даже в одних и тех же социально-экономических условиях разные люди имели разные стимулы в зависимости от их социального положения. Поэтому как социальный прогресс, так и социальное зло — это не нечто абстрактное и внеисторическое, оно всегда имело конкретные исторические причины.

Однако можно ли сделать из приведенного выше определения духовности вывод о том, что духовность — это всё то, способствовало прогрессу общества и личности? Здесь мы подошли к очень важному пункту. Ещё одна грань диалектики истории заключается в том, что даже реакционные силы, насаждая всем своим образом жизни невежество, отсталость, забитость, вместе с тем так или иначе заинтересованы в определенном прогрессе хотя бы в области экономики. А это значит, что они вынуждены изыскивать стимулы для развития сущностных сил человека. Но механизмы стимулирования при этом носят крайне противоречивый характер. Если рассматривать человека не как самоцель, а лишь как средство эксплуатации и наживы, то можно использовать такие стимулы, когда человек под давлением определенных социальных условий будет развивать в себе те или иные сущностные силы, но развивать их не как цель, а как средство выжить, адаптироваться к социальной среде. В этом случае стремление к истине может обернуться гибелью добра, а желание творить добро - фанатизмом инквизиторских костров, сжигающих еретиков. Сущностные силы человека становятся на службу утилитаристско-эгоистическим интересам. На примере западной цивилизации К.Маркс показал, что последняя создала «систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; даже наука, точно так же как и все физические и духовные свойства человека, выступают лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как нечто *само по себе более высокое*, как правомерное само по себе» [5 с. 594]

Как ответ на тенденции такого рода возникали, охваченные культуротворческим пафосом, великие творения искусства, философские системы, новые типы мирозерцания. «Их одушевляло стремление восстановить нарушенную «космическую связь» человека и природы, восстановить нарушенную «гармонию универсума», заново обрести утраченную универсальную меру, на основе которой общество, соблазненное утилитаристски-технической

цивилизацией, могло бы вновь заключить мир со своей собственной «естественной средой» [6]. В духовности всё многообразие культурных явлений как бы схвачено прочными скрепами, подчинено высшему внутреннему единству, благодаря которому и сам человек как носитель культуры развивает в себе не какую-то одну сущностную силу, подчиняющую себе все остальные физические и духовные качества, а выступает как целостное существо. Хотя целостность эта всегда исторически ограничена, именно она питает в человеке любые порывы к универсальной гармонии, к той самой мере, в которой воплощено единство истины, добра и красоты - т.е. объективного, общечеловеческого и индивидуально-личностного моментов человеческого существования.

Духовность как высокий гуманистический смысл и нерв культуры, как её «живая душа» и в жизни отдельного индивида, и масштабах исторического времени обнаруживает себя как универсальность потребностей и внутренняя целостность личности, как абсолютное выявление «творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*» [5., с. 594]

Отсюда духовность можно определить как такую смысложизненную ориентацию исторического субъекта (личности, социальной группы, общества), в соответствии с которой любой конкретный человек в качестве носителя сущностных сил рассматривается по отношению к самому себе и по отношению к другим людям как самоцель и никогда как средство. Такое понимание духовности позволяет прояснить *объективную основу* гармонического сочетания личных и общественных интересов в обществе.

В своё время капитализм продемонстрировал своё историческое преимущество перед феодализмом благодаря тому, что он создал действенные материально-экономические стимулы развития человеческих талантов и способностей. Низведя эти последние до статуса товара, в качестве носителей «системы всеобщей полезности», капитализм вместе с тем нашел объективные средства /на основе механизма спроса и предложения/ измерения ценности тех или иных человеческих способностей а, следовательно, и способы их стимулирования. Но поскольку главная цель рыночной цивилизации - получение прибыли, то собственникам всё равно, на чем наживать капиталы - на добывании научной истины (когда только она способна обеспечить прибыль) или на поощрении подлинной красоты высокого искусства (если последнее имеет коммерческий успех) или на культивировании дешевых зрелищ так называемой массовой культуры. Коммерциализация равно эксплуатирует (и стимулирует) как человеческое в человеке, так и то, что объективно тянет человека назад, пробуждает в нем корыстолюбие, эгоизм, вещизм, тягу к наркотикам и т.п. Более того, она воспроизводит систему механизмов, стимулирующую психологию потребительства как массовидный социальный феномен. Но даже тогда, когда рынок вынужден стимулировать развитие сущностных сил человека в сфере производства, он отрывает их одна от другой, а нередко и противопоставляет их друг другу, так что истина начинает служить

антигуманным целям, а красота порождает зло. Перед нами одна из глубочайших антиномий современного мира: он бездуховен как в сфере производства, (хотя и опирается на развитие человеческих сущностных сил), так и в сфере потребления, (хотя потребление - это то, что, казалось бы, изначально гуманистично по самому своему содержанию).

Конечное историческое преимущество подлинно демократического общества заключается только в одном - в том, что обеспечивает свободное и полноценное развитие сущностных сил человека, делая их соотношение всё более гармоничным, целостным, глубоким и обуславливая тем самым неуклонный моральный и культурный прогресс человека.

Духовность можно охарактеризовать следующими признаками:

- Свобода (свободный труд, ничем не стесняемая самореализация человеческого в человеке).
- Универсальность (бесконечность потребностей в духовном освоении мира человеком, неограниченный прогресс и совершенствование способностей).
- Целостность (наличие ценностной координации и субординации основных смысложизненных установок личности).
- Открытость к человеческому общению (поиски взаимопонимания, открытость к диалогу людей, народов, культур).

Список литературы

1. Семenov В. С. культура и развитие человека. – «Вопросы философии», 1982, № 4.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1.
4. Федотова В. Г. Духовность как фактор перестройки. - «Вопросы философии». 1987, №3.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1968.
6. Давыдов Ю. Н. Культура - природа - традиции. // Традиция в истории культуры. – М., 1978.

Поступило в редакцию 18.01.2005